

Жити ~ любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

Х А Н С К А Я Д О Ч Ъ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление серии *С. Власова*

Ранее роман выходил под названием
«Золотая женщина»

Тренина, Татьяна Михайловна.
Т73 Ханская дочь / Татьяна Тренина. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-699-93607-6

Виктория жила той жизнью, о которой мечтают многие: все блага мира лежали у ее ног. И все-таки она чахла, сходилла с ума от мнимых болезней... В итоге Вика сбежала — села в машину и погнала ее на большой скорости. В никуда. Надеясь, что смерть положит конец бессмысленному существованию. Однако судьба распорядилась иначе: вместо смерти женщина обрела необыкновенный дар. И... любовь, без которой она жила все эти годы. Но надолго ли это все? Ведь Вику ищет муж — чтобы вернуть в ненавистную золотую клетку...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93607-6

© Тренина Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

Солнце еще не достигло зенита, но раннюю утреннюю прохладу уже стремительно сменял летний зной, тревожный и одуряющий.

С обеих сторон заросшего разнотравьем луга темными стенами стоял лес, но он совсем не манил — наверняка там, среди деревьев, тоже было жарко. Не так жарко, конечно, как здесь, на солнцепеке... Но идти туда — в душный, полный наглой мошкары сумрак, совсем не хотелось.

Уж лучше здесь.

Уж лучше стоять здесь, посреди луга, и смотреть вдаль. Потому что дрожащий от жара воздух и хаотичный полет шмелей над цветами гипнотизировали, лишали чувства остроты, дарили обморочное забытье.

А ведь о чем-то надо было вспомнить! О чем-то важном... Или понять — то, что пока никак не желало уместиться в голове. Опять же нечто судьбоносное...

Но Вика предпочла находиться в этой точке безвременья. Она стояла посреди луга, плавая от жара, ничего не видя, ни о чем не думая — как каменное степное изваяние.

А вдруг случится чудо и она и вправду превратится в каменное изваяние? В этот, как его... дольмен. Или верстовой столб! Высушенный солнцем, выбеленный дождем столб, у которого одно-единственное предназначение — стоять. Стоять, и все.

Воздух у горизонта слегка сгустился.

Нет, пожалуй, бессмысленно изображать из себя верстовой столб...

Вика вздрогнула и пошевелила пальцами рук, напоминая себе, что она все-таки живая.

Однако что там творится? Как будто тьма какая-то движется...

Она поморгала. Прищурилась, хотя от природы обладала хорошим зрением. Снова всмотрелась.

Потом оглянулась назад — а там-то как дела? Но позади все было спокойно. Синее небо безмятежно сливалось с зеленой травой.

И какой-то глухой гул... Или это в ушах звенит? Не стоило так долго торчать на солнцепеке!

Вика потрясла головой, но гул не исчез. Наоборот, он усилился.

Она снова повернулась вперед и с ужасом обнаружила, что темное облако совсем близко. И это... это не облако вовсе, а...

Вика полуоткрыла рот от изумления.

По лугу, прямо на нее, на бешеной скорости мчался табун лошадей.

Пока Вика осознала это, прошла еще пара секунд.

Вика метнулась вправо. Потом влево — ей показалось, что с той стороны лес ближе. На это ушло еще несколько драгоценных секунд.

Бежать было бесполезно.

Вика видела разгоряченные морды лошадей, их обезумевшие глаза. Видела, как взлетают и падают их копыта, уминая траву. Как играют мышцы под кожей. Как гривы летят по ветру.

Красиво, черт возьми.

Роскошное зрелище...

Единственный минус — лошади через пару мгновений растопчут Вику. Насмерть. Наверняка. Пронесутся вихрем, собьют, расплющат, раздавят... А потом на какой-нибудь единственной травинке неподалеку, которой не коснулись копыта, будет переливаться рубиновым блеском кровь. Ее, Викина кровь.

Опять же красиво, черт возьми, — синее небо, травинка чуть колыхнется... и капелька крови на ней, а в капельке ослепительно отражается солнце!

А она, Вика, так ничего не вспомнила... Не успела подумать о самом главном!

Впрочем, какой в этом смысл, если сейчас — смерть. Разве не она теперь — самое главное?

Вика хотела закричать — от ужаса. Даже не от ужаса, а... А от чего-то другого, чему и слово-то не сразу подберешь. Недаром Пушкин сказал — «есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...». Нечто подобное испытывают мореплаватели, когда попадают в шторм и над ними нависает последний, девятый вал. Нечто подобное чувствуют срывающиеся в пропасть альпинисты, когда несутся вдоль скал к земле. Или, например, незадачливые путники, на которых надвигается смерч.

Первобытная жуть. Древняя. Ни с чем не сравнимая. Раритет, доступный редким избранным...

Лошади были уже в нескольких метрах от Вики. Топот копыт заглушил все прочие звуки. Она ощутила на лице конское дыхание, и...

Вика закричала:

— А-а-а!..

...Когда она сообразила, что это всего лишь сон, было уже поздно.

Вика сидела на кровати и вопила.

Она видела в зеркале свое отражение с открытым ртом (надо же, даже мягкое нёбо разглядеть можно!) и продолжала орать.

Затем опомнилась и закрыла рот, ощущая, как ломит челюсти.

А потом в комнату вошел Андрей. В руках у него был поднос, на подносе — кружка, и над кружкой дымился приятный парок.

Увидев этот пар, Вика окончательно пришла в себя.

Это был всего лишь сон. Никакого луга, никакого табуна обезумевших лошадей... Ничего. Она дома, в постели, а рядом — муж, добрейшей души человек.

Андрей подошел к кровати, осторожно поставил поднос рядом с Викой.

— Проснулась?

Он поцеловал ее в щеку мягкими губами.

— Твой цикорий, дорогая...

— Это не цикорий, а самая настоящая цикута... — невнятно пробормотала Вика.

Андрей добродушно засмеялся:

— Ого, мы шутим — это хороший признак! — И после паузы добавил: — А насчет цикория ты не права — в нем масса полезных веществ и ни капельки кофеина...

— Прости.

Андрей аккуратно сел на краешек кровати, внимательно посмотрел на жену.

— Бедная моя... Все тот же сон, как я понимаю?

Вика утвердительно кивнула головой, с отвращением стала глотать цикорий. Не допив, отдала чашку мужу.

Андрей вышел, и Вика снова осталась одна.

Зеркало отражало ее — растрепанную, с испариной на лбу, голыми тонкими руками, облаком рюшей на плечах и вокруг декольте. И глазами, в которых затухающим отзвуком читалась первобытная жуть.

Вика себя не любила. Ей было тридцать лет, она обладала неплохой фигурой и классическими чертами лица; длинными, светлыми от природы волосами и серо-голубыми глазами — скорее голубыми, чем серыми. В общем, никакого особого повода для пессимизма быть не должно.

Но Вика себя не любила. «Какая-то она жалкая...» — однажды за спиной услышала она чью-то реплику и вздрогнула. Эта фраза полностью характеризовала ее.

Она, Виктория Павловна Бортникова, в девичестве Казакова, была жалкой. И уже не имело никакого значения, что у нее приличная фигура, красивые волосы и глаза, которые скорее голубые, чем серые. Что у нее есть высшее образование, что у нее есть дом и муж. Что она физически здорова. Что может родить ребенка, а может подождать с материнством... Что не надо работать (муж неплохо зарабатывает) и не надо надрываться по хозяйству (на то существует домработница Нюра).

Она была жалкой — чистая правда. Эта правда напоминала о себе всякий раз, когда Вике приходилось общаться с кем-либо посторонним. Общение происходило примерно так: сначала к ней бросались, начинали беседу, восхищались ею. Женщины открывали душу, мужчины с ходу принимались очаровывать ее. А потом восхищение падало вдруг до нуля, болтовня заканчивалась, и собеседник (или собеседница), неискренне улыбаясь, ретировался.

Потому что она, Вика, была жалкой. В ней ничего не было, кроме оболочки. Да и та на поверку оказывалась пустой, жухлой, словно сброшенная змеиная кожа. Поворошить брезгливо шуршащий ком ногой и отойти в сторону...

Вика с отвращением отвернулась от зеркала, натянула на себя халат (хотя на самом деле назывался он «пеньюаром», но сути-то это не меняло!) и вышла из спальни.

Андрей сидел на кухне, читал газету. Работал без звука телевизор — плазменная панель размером в пол-окна...

Вика опустилась на стул напротив мужа.

Домработница Нюра тут же поставила перед ней тарелку с пышным омлетом. Потом метнулась к плите. Оглянулась, забеспокоилась:

— Виктория Пална — хлебушка? С хлебушком-то оно сытней...

Нюра была из простых. Откуда-то из-под Рязани, что ли... Полная, немолодая, добродушная, без всяких там рефлексий. Она быстро поставила перед Викой тарелку с хлебом.

— Нюра!!! — дернулась назад Вика.

Андрей, не отрываясь от газеты, спокойно произнес:

— Нюрочка, Виктория Павловна не ест хлеба. И молоко тоже уберите. Молоко — только для младенцев, взрослым его категорически нельзя употреблять в пищу...

— Да как же... без хлеба, без молока... — привычно начала было «убиваться» Нюра, но потом вспомнила, как должна себя вести образцовая прислуга, и опомнилась.

Стиснула губы, молча протерла стол и выплыла в коридор.

Вика повернула тарелку, рассматривая омлет. Нет ли в нем скорлупы? Неприятно, когда она скрипит на зубах... Хотя Нюра подобных промахов никогда не допускала. А если там маленький эластичный червячок, сгусток белковой ткани — будущий зародыш?! Такие тонкости Нюра не учитывает! Вика немедленно принялась ковырять омлет вилкой. Андрей покосился на Вику, перевернул страницу. Потом вспомнил:

— В пятницу у Черткова день рождения... Ты не беспокойся, подарок я уже купил.

Вика мгновенно напряглась, но Андрей тут же это заметил.

— Если хочешь — не ходи. Я что-нибудь сокру, — мужественно произнес он.

Вика быстро сказала:

— Нет, я пойду. Обязательно! Если не приду, они бог знает что подумают... И что в этом такого сложного — появиться на дне рождения у твоего компаньона?.. Я пойду, пойду, — бодро улыбнулась она. — И ты развеешься — ведь так?

Андрей тоже улыбнулся и поцеловал Вике руку. Она почувствовала влажный след слюны на запястье и машинально стерла его. Через некоторое время Вика принялась эту руку почесывать.

— Что у нас сегодня? — Андрей сложил газету. — А, среда... Отвезти тебя к Герману Марковичу? — посмотрел он на часы. — Нет, не успеваю. Славик тебя отвезет.

— Нет! Я сама, сама...

Андрей с укором посмотрел на жену. Потом произнес спокойно:

— Сама? Сама знаешь, какое движение в Москве... А Славик — профессионал. Ты слишком дорога мне, и я не собираюсь рисковать твоей жизнью...

— Я не хочу — со Славиком... Ну его... я сама! Не надо Славика... — морщась, начала возражать Вика.

— Выдумщица! И вовсе он не пахнет.

— Пахнет, ужасно пахнет!

— Ну разве что совсем чуть-чуть. Он молодой мужчина, двадцать пять лет, в свободное время занимается спортом, силушки — хоть отбавляй...

Вика едва слышно застонала.

Андрей отбросил газету, потрепал Вику по волосам, точно ребенка.

— ...А от Германа Марковича тебя заберет Эмма, — продолжил Андрей. — Ты ведь не имеешь ничего против Эммы?

Вика не ответила.

Андрей вздохнул, потоптался на месте, потом вышел.

Вика некоторое время сидела неподвижно, затем повернулась к окну.

Андрей шел через двор к своей машине энергичной, немного развалистой походкой, выбрасывая носки в стороны — он был чуть полноват.

— Солидный... очень солидный... — едва слышно пробормотала Вика. Она имела в виду не лишний вес мужа, а то, какое тот производит впечатление.

А потом Вика заметила, что продолжает расчесывать руку.

— Господи, что это? — застонала она. Чесалось именно там, куда ее поцеловал муж. Но его поцелуй тут ни при чем, поцелуй скорее был поводом, чем причиной, догадалась Вика.

— Небольшое белое или розовое пятно на коже, нечувствительное к прикосновениям, слабость, сонливость, потеря аппетита... — забормотала она, вспоминая лекции по инфекционным болезням. — Господи, это... Но откуда?..

И тут Вика вспомнила.

— Полгода назад, в посольстве! Я поздоровалась за руку с этим индусом! Полгода назад... А какими болезнями страдают жители Юго-Востока?.. Ясно какими! Хоть у проказы инкубационный период — от трех до десяти лет, но это наверняка она!..

Из глаз у Вики хлынули слезы. Она не сомневалась в том, что страшно больна. Она схватила пульт и сделала звук у телевизора погромче, чтобы Нюра не слышала ее всхлипываний.

— ...все помнят школьные уроки истории о монголо-татарском иге. Но мало кто знает, что теория о завоевании Руси Ордой возникла в восемнадцатом веке и с тех пор не претерпела почти никаких изменений, — забубнил телевизор. — Но некоторые ученые, в том числе и Лев Николаевич Гумилев, считали, что Русь и Орда были равноправными империями. Более того — Орда была всего лишь регулярным русским войском, наемниками, и та самая дань, о которой мы столько слышали в школьные годы, — это всего лишь плата за услуги! Конечно, такое утверждение может шокировать. Но сами подумайте — степь и лес существовали бок о бок издавна, и жестких противоречий между ними не могло быть. Кочевники-скотоводы в степи пасли табуны лошадей, земледельцы и ремесленники лесной части страны выращивали хлеб, ковали оружие. Существовал вполне равноправный обмен между степью и лесом! Русская конница взращивалась в степях кочевниками, кочевники пользовались оружием русичей. Это симбиоз народов! Кстати, в летописях есть свидетельства о браках между русскими и ордынцами. Например, сын святого князя Даниила Московского был женат на Кончаке, сестре хана Узбека, названной в крещении Агафьей...

«Бред какой-то!» — вяло подумала Вика.

— ...но возможно и третье. Симбиоз, то есть соседское существование степи и леса, то есть Орды и Руси, был когда-то нарушен. Неким внешним событием. И началось действительное противостояние. Только вот что было поводом, что столкнуло эти две империи, две культуры? Может быть, как всегда, — шерше ля фам?.. Например, в некоторых источниках упоминается о некоей кочевнице по имени Алтынай и русском князе Светозаре...

Вика поморщилась и выключила телевизор. То, что вещали с экрана, было ниже всякой критики. Она тут же выкинула из головы то, о чем говорилось в этой передаче.

«Милый мой Андрей! Не дай бог он заразится... За что ему такое?.. Хороший, милый!»

— Виктория Пална, Славик нарисовался... — закричала из коридора Нюра. — Спускайтесь, он вас в машине ожидает!

Через полчаса Вика, уже полностью одетая, поправила перед зеркалом волосы. Ее уже не лихорадило, взгляд был безразличный, тусклый.

— Ну и ладно... Ну и пусть... Только противно все это как! И помереть-то все равно не дадут... Будут лечить до посинения! Уж лучше самой — раз, и все...

Она провела ребром ладони по шее и выскользнула в дверь.

— Счастливого пути! — крикнула ей вслед Нюра.

Вика ничего не ответила. Но вовсе не потому, что была из тех высокомерных дамочек, которые не считали прислугу за людей, — вовсе нет. Просто ей было так плохо, так тоскливо, что она не могла ни единого словечка из себя выдать.

«Счастье... какая ирония! Неужели кто-то в этом мире чувствует себя счастливым?»

Вика вышла из подъезда во двор и увидела Славика — тот стоял, прислонившись к авто. Считалось, что вторая машина, которая была в семье Бортниковых, принадлежала Вике. А Славик стоял, вытирая платочком лоб. На щеках у него играл кирпичный румянец, глаза глядели настолько безмятежно, спокойно и даже невинно (невинность первобытных людей, не знавших греха!), что тоска Вики стала еще острее, еще нестерпимей. Были, были на этом свете счастливые люди!

Славик просиял, увидев Вику, ибо отличался патологическим добродушием, и распахнул перед ней дверцу авто.

— Добрый день, Виктория Павловна!

Вика не ответила. Плотнo сжав губы и стараясь не дышать, она прошла мимо Славика и забралась в машину на заднее сиденье.

— Погода какая, а, Виктория Павловна?

Вика опять ничего не ответила. В салоне авто ощутимо пахло чем-то острым, мускусным. Запах молодого мужского тела, который не в силах заглушить ни один дезодорант, ни один одеколон. Феромоны, будь они неладны...

Славик тронул машину с места.

Вика немедленно достала из сумочки свои духи и принялась обильно поливать все вокруг.

Славик закашлялся. В зеркале Вика увидела, что его щеки из кирпично-красных стали постепенно превращаться в синюшно-багровые.

«Прости, Славик!» — мысленно произнесла Вика. Ей было жаль водителя, но изменить что-либо она не могла.

Когда наконец машина доехала до медицинского центра, Славик едва дышал. С явным облегчением выскочил из авто, помог выйти Вике из салона, а затем, опершись на ограду, принялся бурно и глубоко вдыхать свежий воздух. И интенсивно потеть, потеть...

...Вика шла по коридору за молоденькой медсестрой. Та с привычным кокетством виляла бедрами, едва заметно улыбалась каким-то своим воспоминаниям, явно приятным.

Они дошли до конца коридора, где была единственная дверь. На двери висела скромная табличка: «Герман